

**УЗНИКИ
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ
КРЕПОСТИ**

В. П. НОГИН

И. ПОДГОРНЫЙ

В. П. НОГИН

ЛЕНИЗДАТ · 1966

Высокий молодой человек в модном пальто, пенсне, с изящным портфелем в руке спешил по Большой Посадской. Темнело. Внезапно близ него появились две до удивления похожие одна на другую фигуры: в твердых котелках, в длинных, светлых, с крупной желтой клеткой пальто.

Они о чем-то заспорили с прохожим. Тишину улицы вдруг разорвала переливчатая трель свистка. Из-за угла показалась извозчичья пролетка...

Так 2 октября 1901 года агенты полиции арестовали Виктора Павловича Ногина. Сыщики несколько дней не выпускали его из поля зрения. До нас дошла сводка их донесений. Тщательно, по часам и минутам расписано в ней все, что делал Ногин.

29 сентября. Посетил дом № 14 по Большой Зелениной. Вышел оттуда в пятом часу дня. Направился в сквер при церкви св. Владимира, где сорок минут имел конспиративное свидание с Ревеккой Рубинчик.

30 сентября. На Петроградской стороне встретился с Сергеем Цедербаумом. Затем направился на Екатерининский канал в дом № 27. Через десять минут в тот же дом вошел Павел Смиттен. Через два часа Ногин вышел. Поехал на Кронверкскую улицу в дом № 13. Вслед за ним туда пришли Августа Минская и Наталья фон Бах. Вечером Ногин встретился со слушательницей женского медицинского института Софьей Мотовиловой у нее на квартире.

1 октября. Вместе с Минской посетил квартиру Рубинчик на Кронверкской улице. Потом вместе с фон Бах поехал на Васильевский остров. Вечером был у братьев Соболевых.

2 октября. В 10 часов 20 минут встретился с Рубинчик в Ботаническом саду. Свидание продолжалось два часа...

После этого донесения последовал арест.

* * *

В 1896 году в Петербурге вспыхнула грандиозная забастовка. В ней приняло участие более 30 тысяч человек, главным образом текстильщиков. Несмотря на репрессии и аресты, забастовщики более месяца не приступали к работе. Они заставили царское правительство издать закон, которым рабочий день на заводах и фабриках ограничивался одиннадцатью с половиной часами.

Ногин (сидит справа) с группой ссыльных в Назарове
Стоит крайний слева — С. В. Андропов.
1902 г.

Это было первое массовое выступление рабочих, руководил которым ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Весть о «великой стачке» разнеслась по всей стране. Дошла она и до молодого подмастерья Богородской текстильной фабрики красильщика Виктора Ногина. И он решил перебраться в Петербург, чтобы ближе познакомиться с этими людьми, принять участие в их борьбе за лучшую жизнь. Ногин нанялся на фабрику Паля за Невской заставой. Новый рабочий получил место в казарме на втором этаже высоких нар. Лишь прибавка к зарплате в конце зимы позволила ему снять крохотную комнатку.

Настойчиво искал Ногин встречи с нужными ему людьми. На занятиях в воскресной вечерней школе он как-то узнал, что в бараке собирается нелегальный рабочий кружок. Через этот кружок и завязалась у него связь со студентом Сергеем Андроповым, примыкавшим к редакции газеты «Рабочее знамя».

Арестовав и отправив в ссылку Ленина и его соратников по петербургскому «Союзу борьбы», царское правительство считало, что ему удалось если не навсегда, то по крайней мере надолго избавиться от ненавистных «смутьянов».

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса», тесно связанный с рабочими, несмотря на тяжелый удар, нанесенный ему жандармами, устоял. Уже через два года в его рядах насчитывалось до 300 членов.

Но молодежь не имела достаточной марксистской закалки и политического опыта. Она

легко поддавалась влиянию «экономистов», доказывавших, что организация рабочего класса — партия пролетариата — должна носить узкопрофессиональный характер. Они считали, что основная задача партии — экономическая агитация, борьба за удовлетворение экономических требований. Политическая же роль рабочей партии ими отрицалась. «Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на поле ежедневных насущных задач, интересов и стачки, как средство этой борьбы, — вот девиз рабочего движения», — заявила начавшая издаваться в Петербурге «Союзом борьбы» газета «Рабочая мысль».

«Я был страшно удивлен направлением «Рабочей мысли», — писал впоследствии Ногин. — Мне всегда казалось необходимым бороться не только с капиталистами, но и с правительством. Задачей социал-демократии мне всегда представлялась борьба чисто политическая, основанная на экономической почве».

Так думал не только Ногин. Направлением «экономистов» были недовольны многие члены «Союза борьбы». В противовес «Рабочей мысли» они сделали попытку организовать свою газету. Она получила название «Рабочее знамя».

Полиция моментально почувствовала в новой газете ненавистный ей «крамольный» дух. После выхода первого номера почти вся редакция была арестована. Однако в охранное отделение продолжали поступать донесения о «преступных воззваниях, воспроизве-

денных посредством пишущей машинки и мимеографа» и подписанных группой «Рабочего знамени».

В числе сторонников «Рабочего знамени», сумевших избежать сетей, расставленных полицией, был и Сергей Андропов. Вместе с Ногиным они создали на фабрике Паля новый рабочий кружок. Вошедшая в кружок революционно настроенная молодежь приняла название «Группа „Рабочего знамени“». Они наладили издание нелегальных листков, в которых обращались к рабочим предприятий Невской заставы. Автором некоторых листков был Ногин.

Свои взгляды того времени он изложил в письме матери, которое сохранилось. «Вы говорите, — писал он, — «старайся за хозяев», а Вас спрошу: кто такой я? И с кем у меня интересы личные ближе: с хозяином или с рабочими? Я тоже человек, работающий на фабрике по одинаковым с рабочими правилам, и, следовательно, интересы мои тоже одинаковые с рабочими. Кроме того, у одного хозяина я всю жизнь не могу прожить. И что же, при каждом новом поступлении мне будет нужно снова унижаться перед фабрикантом? Только тогда я им буду «оценен», но зато рабочие будут меня ненавидеть. А если я буду справедлив с рабочими, а — поэтому — на их стороне, то мне никогда не придется унижаться ни перед кем. И, привыкнув отстаивать свои права, я заставлю считаться со своим мнением».

Виктор Ногин заметил, что за ним следят. Он уволился с фабрики Паля и перешел на

механический завод Семянникова. Было это в октябре 1898 года. А в декабре на фабрике Паля вспыхнула забастовка. Пытаясь запугать рабочих, хозяин вызвал полицию и конных жандармов. Но Ногин и его товарищи хорошо подготовили ткачей, — запугать их не удалось. Когда же жандармы попытались проникнуть в рабочие казармы, их встретил град поленьев, кастрюль, бутылок и других предметов. В тыл нападавшим ударили подошедшие на помощь товарищам рабочие с соседней фабрики Максвеля. Завязался настоящий бой, в котором полиция и жандармы потерпели поражение.

Вечером начались аресты. Полиция схватила и Ногина. Так он оказался в доме предварительного заключения на Шпалерной.

Раскрыть истинную роль его в проведении забастовки и организации нелегального кружка полиции не удалось. Поэтому через год, когда следствие было закончено, министр юстиции счел возможным в отношении Ногина ограничиться установлением гласного надзора на три года без права проживания в столицах — Петербурге и Москве, университетских городах и местностях фабричного района. «Вы мне говорили, что Вам очень не хочется, чтобы я жил на фабрике и что Вы больше не пустите меня работать на фабриках, — шутит Ногин в письме матери из тюрьмы. — Ваше желание исполнилось: я теперь не могу больше служить на них, и, как мне сказал товарищ прокурора, меня к фабрикам даже близко подпускать не будут...»

Значительно строже было наказание, определенное Андропову. Его ждала высылка в Восточную Сибирь сроком на восемь лет. Однако ему удалось обмануть жандармов и бежать за границу, в Лондон, чтобы возобновить там издание «Рабочего знамени».

Ногин поселился в Полтаве. Там он не прекращал революционной деятельности: создал несколько нелегальных кружков и сам вел в них занятия.

Вскоре ему стало известно, что В. И. Ленин готовит издание общерусской политической газеты, которая должна была разгромить врагов внутри рабочего движения, объединить разрозненные социал-демократические группы, бороться за создание единой марксистской партии.

Это было то самое большое дело, о котором давно мечтал Ногин. Он устраивает собрание всех членов нелегальных кружков и посвящает их в ленинский план. Тут же был проведен сбор средств и создан первый в России опорный пункт будущей «Искры».

В это время Ногин узнал, что его должны забрать в армию. Это известие ускорило его решение бежать за границу, туда, где создается новая газета, где работает Ленин.

Границу Ногину удалось перейти благополучно. 1 сентября 1900 года он был уже в Кенигсберге, а оттуда через Швейцарию и Францию перебрался в Лондон. В середине сентября произошла долгожданная встреча с Андроповым. А еще недели две спустя он получил следующее письмо:

«Дорогой Василий Петрович! ¹ Только вчера получил от П. Б. (Аксельрода) Ваш адрес и резолюцию 23-х против «Credo». Алексей давно уже мне писал, что Вы будете за границей, но я не мог Вас найти (чужак он, что не дал Вам адреса для писем мне!). Пожалуйста, откликнитесь и напишите поподробнее о том, как живете: давно ли в Лондоне, что поделяете, какова публика в Лондоне, каковы Ваши планы, когда думаете ехать? Почему выбрали Лондон?

...Жму крепко руку. Петров...» ².

Через месяц Ногин получил от Ленина второе письмо: «Пожалуйста, простите, дорогой Новоселов, что я так безобразно запаздываю с ответом на Ваше письмо от 17.X.: все отвлекали «мелкие» дела и делишки здесь, да еще ждал ответа от Алексея. ...Вы спрашиваете: какую работу хотели бы мы просить Вас взять на себя? Мне кажется, что для нас особенно важны будут (к весне или к осени, когда Вы рассчитываете двинуться) такие работы: 1) перевозка через границу литературы; 2) развозка по России; 3) организация рабочих кружков для распространения газеты и доставки сведений и т. п., т. е. вообще организация распространения газеты и организация тесных и правильных связей между ней и отдельными комитетами и группами. Мы возлагаем на Ваше сотрудничество большие надежды, — особенно в деле непосредствен-

---

¹ Василий Петрович Новоселов — один из псевдонимов Ногина.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 48. (Петров — один из псевдонимов В. И. Ленина.)

ных связей с рабочими в разных местах. По душе ли Вам такая работа?..»¹.

Ногин сообщил Ленину, что группа «Рабочее знамя» свое существование прекратила и он с Андроповым готов выполнять поручения редакции «Искры». Завязалась оживленная переписка, в которой обсуждались первые номера «Искры» и «Зари», уточнялись сроки отъезда Ногина и Андропова в Россию, детали их деятельности там.

Через несколько дней Ногин и Андропов прибыли в Мюнхен. Там их ждал Ленин. Быстро освободив от книг и рукописей стулья, Владимир Ильич предложил их гостям. Расслаживаясь по комнате, Ленин расспрашивал о лондонских знакомых, известиях из России, о планах на будущее. Его интересовало все. Но он не только расспрашивал, он и делился своими планами, давал советы. Ленин говорил, что в России надо создать сеть агентов, которые будут заниматься доставкой и распространением газеты, обеспечивать ее нужным материалом, следить за политическими событиями и воздействовать на них через свою партию. Агенты должны быть революционерами-профессионалами.

Именно о такой деятельности мечтал, к ней готовил себя Ногин. Предложение Ленина увлекало его.

Такую сеть редакция «Искры» уже начала создавать. Ее агентами в Москве и Подмосковье работали соратники Ленина по «Союзу борьбы» Н. Бауман и И. Бабушкин; на Украи-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 58—60.

не — В. Крохмаль, Л. Радченко, Л. Гальперин; в Астрахани создавала опорный пункт Л. Книпович, в Петербурге — петербургский отдел «Искры» — С. Радченко. Ногину и Андропову предстояло теперь заняться такой же работой на юге, в Одессе или Николаеве.

Надежда Константиновна Крупская научила их писать письма молоком или лимонным соком. Потом, как школьников, заставила зазубрить несколько стихотворений. Они были подобраны так, чтобы в строфах их содержались все или почти все буквы алфавита. Зашифрованное письмо превращалось в строчки дробей — верхняя цифра их обозначала строку, нижняя — место буквы в строке. Не зная ключа, прочесть такое письмо невозможно.

Но вот сложная наука конспирации позади. Получены чистые бланки паспортов. Последнее свидание с Владимиром Ильичем. Каждому отъезжающему вручается по большому чемодану, изготовленному по специальному заказу редакции «Искры». Под второе дно в этих чемоданах уложены последние номера «Искры» и «Зари».

Громко пыхтя, паровоз подтащил поезд к перрону. Когда толпа приехавших схлынула, на платформе остался молодой человек с двумя чемоданами в руках. Остановившись у расписания он долго и внимательно изучал его, потом прошел в зал ожидания. Лишь убедившись, что приезд его ни у кого интереса не вызвал, молодой человек решил наконец покинуть вокзал.

Это был Ногин.

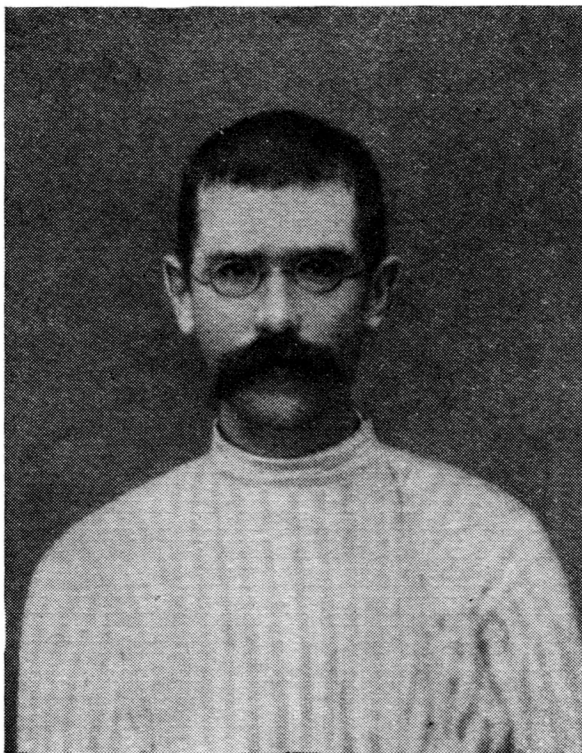
В подмосковном поселке он разыскал Николая Баумана. Приезд Ногина с большим транспортом литературы очень обрадовал его.

Определяя задачи агентов «Искры», Ленин считал, что они должны устанавливать тесную связь с рабочими, создавать рабочие кружки для чтения газеты, сбора материалов и сочинения корреспонденций в «Искру». Вместе с Бауманом Ногин активно включился в работу по созданию московского центра «Искры».

— У вас какой-то особый дар брать людей за душу, — говорил ему Бауман, послушав несколько выступлений Ногина на рабочих сходках и собраниях.

Московская охранка установила тщательный контроль за всеми прибывавшими в город. Жарким июльским днем 1901 года начальник охранки получил от Петербургского департамента полиции срочную телеграмму: «По достоверным указаниям Андропов и Новоселов выехали из-за границы в Россию для переговоров о слиянии «Рабочего знамени» с Российской социал-демократической партией. Должны теперь находиться в Москве. Примите тщательные меры к выяснению и учредите неотступное секретное наблюдение, сопровождая при выездах».

Все принятые меры оказались тщетными. Ни Андропова, ни Ногина полиции обнаружить в Москве не удалось. Андропов вообще туда не заезжал, а Ногин-Новоселов приобрел документы на имя Яблочкова, к которому ни

В. П. Ногин в Ломжинской тюрьме.
1904 г.

полиция, ни жандармы никаких претензий не имели.

В это время агент «Искры» Конкордия Захарова привезла из-за границы Ногину-Яблочкову томик стихов. На полях его и между строк Ногин прочел письмо Ленина, переписанное четким почерком Надежды Константиновны. Владимир Ильич выражал свое неудовольствие планом организации в Петербурге новой местной газеты. Такую газету с целью «завоевать Петербург» хотели создать Андропов, Ногин и другие. Эти «кустарнические» действия резко осудил Ленин. «Кустарничество гораздо более злой враг, чем „экономизм“, ибо глубочайшие жизненные корни экономизма по нашему глубочайшему убеждению лежат именно в кустарничестве...»¹

Неуемная энергия Ногина не знала предела. В Петербурге он приступил к созданию отдела «Искры». Он подобрал квартиры для хранения литературы, установил явки, организовал вокруг себя людей.

...Обеспокоенный отсутствием следов Андропова, департамент полиции решил усилить наблюдение за его сестрой, жившей в глухом городишке Предуралья. И сразу полицейские заметили оживленную переписку, которую она вела. Переписка показалась им подозрительной. 26 августа приехавший в гости к сестре Андропов попал в лапы жандармов.

Отправителем большинства писем, так заинтересовавших полицию, был некий Яблоч-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 141.

ков. Кто он? Во все города страны последовало указание разыскать и проверить всех живущих там Яблочковых.

В очередной почте на Петербургском почтамте жандармы обнаружили письмо с хорошо знакомым им адресом: Мюнхен, Габельсбергштрассе 20-а, Карлу Леману. В салоне мюнхенского врача Лемана часто встречались представители марксистской интеллигенции. Нередко бывал там и Ленин.

Письмо было тщательно исследовано. Жандармам удалось проявить его. Анализ почерка позволил установить, что Яблочков — автор письма — не кто иной, как бежавший из под надзора полиции Ногин.

«Спешу вывести Вас из заблуждения, — сообщал в этом письме Ленину Ногин. — Я приехал сюда только вчера, т. е. 2 сентября. Быстро выехать из Москвы и т. д. было невозможно, за отсутствием денег, адресов и, главное, паспорта... Проживши два месяца в России, я увидел, как мы преувеличивали ту встряску, которую будто бы произвели мартовские события¹. Люди так же трусливы, как и прежде, и всюду нужно начинать все самим и делать самим».

Извлеченная из дела Ногина фотографическая карточка была размножена полицией. Ее получили все действовавшие в Петербурге филеры (сыщики). Однако, чувствуя себя вне всякого подозрения, Ногин совер-

---

¹ 4 марта 1901 года возле Казанского собора студенты устроили грандиозную демонстрацию против «временных правил», которыми предусматривалась отдача в солдаты участников студенческих «беспорядков».

шенно свободно занимался революционной деятельностью. Правда, он сбрил бороду, по несколько раз в день менял пальто и шляпу, пользовался то тростью, то брал с собой изящный портфель. В этом элегантном молодом человеке едва ли кто-нибудь мог узнать рабочего-красильщика с фабрики Паляя.

На след Ногина полицию навел провокатор, проникший в среду петербургских революционеров. С его помощью к Виктору Павловичу приклеивается «хвост». Подробно, по часам и минутам, записывают сыщики все, что делает их поднадзорный.

Обстановка в городе в те дни была особенно тревожной. На каждом шагу попадались жандармы и полицейские, одни в форме, другие — переодетые в штатское. Следствие по делу участников Обуховской обороны — первого открытого политического выступления русского пролетариата — закончилось. Со дня на день ожидали начала суда над ними. Боясь массовых выступлений, правительство запретило газетам сообщать о процессе, дата начала его держалась в секрете, хотя ни для кого в Петербурге тайной она не была.

Но вот на рассвете 28 сентября суд объявил обуховцам приговор. В тот же день о нем узнали на заводах и фабриках. Вышли листовки, разъяснившие смысл приговора, начался сбор средств в помощь семьям осужденных.

Решив изолировать всех, кто казался ей опасным, полиция нанесла удар по искровцам. Ногин и вся его группа были арестованы.

Извозчичья пролетка доставила Ногина на набережную реки Фонтанки. Она миновала знаменитый Цепной мост, увековеченный в стихотворении, ходившем тогда по Петербургу.

У царя у нашего
Верных слуг довольно:
Вот хоть у Тимашева
Высекут пребольно.
Влепят в назидание
Так ударов до ста.
Будешь помнить здание
У Цепного моста.

Высокие парные арки, стоявшие на обоих берегах и поддерживавшие туго натянутые канаты, к которым крепились конструкции моста, были затем уничтожены. Цепной мост в конце 10-х годов XX века перестал существовать. Новый, появившийся на его месте, мы знаем теперь под именем моста Пестеля.

За мостом на набережной Фонтанки сохранился до наших дней двухэтажный особняк с большими зеркальными окнами. Когда-то его занимало «III отделение собственной его величества канцелярии». После ликвидации его особняк перешел к департаменту полиции. К крыльцу особняка и подвезли Ногина.

Однако в департаменте полиции пробыл он недолго. В ту же ночь его усадили в крытую карету с опущенными на окнах шторами. Жандармский ротмистр расписался в приемке арестованного и уселся на обтянутое красным шелком сиденье рядом с Ногиным. Еще один жандарм сел напротив, третий — вскочил на козлы и тронул лошадей. Вскоре

каре́та остано́вилась у комендантского дома Петропавловской крепости. Оформление пропуска. Затем — Трубецкой бастион. В комнате его ждал офицер с погонами полковника.

— Раздеть, — приказал он и, заметив попытку Ногина что-то возразить, добавил строго. — Ну-ну, у нас тут без разговоров.

Холодно, противно, однако приходится себя сдерживать. Но вот церемония переодевания окончена. Виктор Павлович облачен в грубое арестантское белье, мягкие туфли — «коты», рыжеватозеленый суконный халат.

— Пошел, — командует офицер.

Бесшумно ступая по мягкой дорожке, расстеленной вдоль коридора, дежурный пристав повел Ногина в камеру. Отворив тяжелую, сколоченную из толстенных досок дверь, он снял висячий замок с засова, замыкавшего прорезанную в двери квадратную форточку. Открываясь, она с грохотом падала вниз. Сделано так специально, чтобы никто не мог общаться с арестантом незаметно, без ведома часового. Над форточкой в двери еще одна щель. В нее вставлено стекло. Это «глазок», или «иудушка», как прозвали его заключенные. Через него часовой, постоянно расхаживавший по коридору, наблюдал за поведением узников.

Подняв со скамейки напротив двери подсвечник, пристав поставил в него свечу, зажег ее и жестом пригласил узника в камеру. Одно время свечи в камерах Петропавловской крепости были заменены более удобными керосиновыми лампами. Но после того как в феврале 1897 года студентка М. Ветрова облила

керосином и сожгла себя, лампы изъяли. Их место снова заняли свечи. Вставленные в подсвечник, они должны были непрерывно, всю ночь гореть у изголовья кровати заключенного.

Пристав захлопнул дверь. Щелкнул замок, и Ногин остался один. Сквозь толстые стены не проникало ни звука. Внутри камеры царил могильная тишина. Та тишина, «к которой вечно прислушиваешься и которую слышишь, которая мало-помалу завладевает тобой, обволакивает тебя, проникает во все поры твоего тела, в твой ум, в твою душу, — говорила о ней Вера Фигнер, одна из первых узниц Трубецкого бастиона. — Какая она жуткая в своем безмолвии, какая она страшная в своем беззвучии, в своих нечаянных перерывах». Перерывами этими были лишь бой курантов да грохот дверей, распахиваемых жандармами, когда гасла свеча.

Напрасны были попытки узника заговорить с надзирателями. На все вопросы он получал в ответ неизменное:

— Разговаривать не положено...

«Арестантское отделение при С.-Петербургской крепости» вступило в строй в 1872 году. Построенное внутри Трубецкого бастиона, оно сменило страшный «Секретный дом», почти 90 лет простоявший на территории Алексеевского рavelина. В 1884 году «Секретный дом» был разрушен. На его месте возвели здание Военно-инженерного архива, сохранившегося до наших дней.

Новая тюрьма внутри Трубецкого бастиона представляла собой двухэтажное здание,

построенное в виде пятиугольника, стены которого почти вплотную примыкали к стенам бастиона. Ногин попал в камеру, находившуюся на втором этаже. Но и там он с трудом разглядел утром узкий кусочек серого петербургского неба. В камере царил постоянный полумрак. Сквозь высоко поднятые, запряжанные в глубокие ниши окна внутрь проникало мало света.

В камерах первого этажа условия были еще хуже. Это были сырые погреба, стены их никогда не просыхали. Редкому узнику удавалось прожить в них, не получив чахотки.

Холод, сырость, гнетущий режим расшатывали здоровье и нервы узников, недостаточно крепких сводили с ума, других медленно убивали.

Через несколько дней растворилась тяжелая дверь, и в камеру вошел надзиратель с отобранной при аресте у Ногина одеждой.

— На прогулку, — распорядился он.

Быстро переодевшись, узник вышел в коридор. Стекла в окнах были замазаны белой краской, форточки заменял металлический лист с множеством дырочек. В морозные дни заключенные гуляли в коридоре, и жандармы приняли меры, чтобы те не могли видеть происходившего во дворе.

На день подсвечники выставляли в коридор. Появился новый подсвечник — значит, в тюрьму прибыл новый жилец. Убран подсвечник — камера освободилась, узник ее отправился отбывать наказание в далекую Сибирь или переведен в другую тюрьму. Так заключенные узнавали о судьбе своих товарищей.

Два жандарма — один впереди, другой сзади — вывели Ногина во внутренний дворик тюрьмы. В центре его поднималось одноэтажное строение — тюремная баня. Ее окружало несколько деревьев, что придавало дворику некое подобие сада. Однако ни подбирать опавшие, ни тем более рвать зеленые листья или траву не разрешалось. Нарушивший это правило лишался прогулки, а то и в карцер попадал.

Прохаживаясь по дорожке, проложенной вдоль стен тюремного здания, Виктор Павлович вслушивался в едва долетавший через стены бастиона шум города, плеск невских вод. С удовольствием дышал он свежим воздухом, любовался шуршавшими под ногами листьями, вглядывался в разорванные тучи, быстро бежавшие над головой. Прошло минут пятнадцать. Жандарм сделал знак — пора возвращаться.

Обратно они следовали в том же порядке. Возле двери шедший впереди жандарм остановился. По тюремным правилам дверь отворять полагалось самому заключенному.

В Трубецком бастионе камеры были в несколько раз бóльшими, чем в доме предварительного заключения на Шпалерной, где два года назад отбывал Ногин свой первый арест. Шагов десять—двенадцать длиной и шесть—восемь шириной, они казались целыми «залами». В центре камеры, изголовьем к стене, стояла кровать с тощим соломенным матрасом, простыней, подушкой и грубым солдатским одеялом. Когда-то кровать можно было сдвинуть с места. Но в 1879 году заключен-

ные, подняв протест, попытались использовать находившуюся в камерах мебель как оружие. После этого ножки кроватей наглухо вделали в пол. Рядом с ними к стене прикрепили металлическую доску — стол. Один лишь табурет остался свободным, заключенный мог передвигать его по своему желанию.

И порядки в крепости совсем не походили на те, с которыми познакомился он на Шпалерной. Хотя «Арестантское отделение при С.-Петербургской крепости» превратилось к тому времени тоже в место предварительного заключения, режим в нем оставался по-прежнему суровым. «Петропавловка» предназначалась для самых важных преступников, тех, кого, по мнению жандармов, нужно было изолировать, не допускать общения их с оставшимися на свободе людьми. Агенты «Искры» подходили именно под эту категорию узников. О газетах и журналах говорить вообще не приходилось. Книги заключенные покупать могли, но только новые, не разрезанные. Стоило провести на одной странице черту даже ногтем, и книга навсегда изымалась из обращения. Ни один заключенный больше получить ее не мог.

Ногин регулярно по несколько часов в день занимался. Изучал языки, читал «Общую естественную историю и теорию неба» Канта, диалоги Платона, а в часы отдыха — Чехова и Салтыкова-Щедрина. Три-четыре книги и грифельная доска, заменявшая ему тетрадь, постоянно лежали на столике у изголовья кровати. Чтение, литературные и научные занятия были единственным делом, которым

разрешалось заниматься узникам Трубецкого бастиона.

«Что касается общих знаний, то они приобретены самообразованием, которое происходило главным образом в тюрьмах», — писал в автобиографии Ногин. Учиться в школе ему пришлось совсем немного: он окончил лишь городское училище в Калязине.

Однажды ключник, как всегда, внес в камеру подсвечник. Ногин привычно осмотрел его: иногда ключник путал подсвечники и приносил принадлежавший соседней камере. Так и есть. В трепетном свете свечи на металле виднелась едва различимая надпись — «Яков». Это была первая весточка за многие месяцы, проникшая в камеру извне. Она говорила, что где-то рядом находится друг. «Яков» — подпольная кличка агента «Искры» Сергея Цедербаума. Жандармы арестовали его в Ковно и препроводили в Петербург, в Петропавловскую крепость, где уже были Ногин и Андропов.

Узников Трубецкого бастиона допросами беспокоили сравнительно редко. Когда же возникала необходимость в них, заключенных вызывали в канцелярию. Ногину несколько раз пришлось побывать там. По бестолковым вопросам, задаваемым ему, он понимал, что узнать полиции удалось очень мало. Друзья на допросах ничего не рассказывали. Молчал и он.

29 августа 1902 года дверь в камеру распахнулась в неурочное время.

— Выходи с вещами, — раздался голос надзирателя.

Следствие закончилось. До вынесения приговора по их делу шеф департамента полиции своей властью решил спровадить петербургских искровцев в Сибирь. Каков ни был бы приговор, Сибири им не миновать!

«Искра» в № 27, вышедшем 1 ноября 1902 года, сообщала: «Сосланы в Восточную Сибирь... Виктор Ногин раб[очий] и Сергей Андропов, быв. студент (оба нелегальные из СПб) до приговора».

Шеф полиции не ошибся. Приговор предусматривал отбывание наказания в глухих местах Иркутской губернии. Но Ногин не дожидался его.

1 мая 1903 года «Искра» в № 39 напечатала еще одно сообщение: «Бежали из Восточной Сибири... бывш. студент Серг. Андропов и рабочий Виктор Ногин — нелегальные, арестованные в 1901 году по петербургскому делу «Искры» и сосланные до приговора после годичного заключения».

Сообщение это газета напечатала уже после того, как Ногин и Андропов прибыли в Женеву. Владимир Ильич Ленин тепло встретил агентов «Искры» — первых побывавших в печально известной «Петропавловке». Он жадно расспрашивал их, самые мельчайшие подробности были ему интересны, важны

А потом рассказывал сам. Об успехах «Искры» в борьбе за создание подлинно революционной марксистской партии, о надеждах и планах, связанных с предстоящим съездом партии. Организационный комитет по его созову был создан в конце 1902 года на совещании во Пскове представителей

«Искры» и социал-демократических организаций.

Как ни увлекали участников эти беседы, долго продолжаться им было не суждено. Оба «беглеца» снова возвращались в Россию. На этот раз представителями Оргкомитета по созову съезда.

* * *

В конце июля—начале августа полиция Екатеринослава — крупного промышленного центра на юге России (с 1926 года — Днепропетровск) отметила появление большого количества листовок. Сообщая о забастовках в других городах, они призывали екатеринославских рабочих присоединиться к товарищам.

7 августа в Екатеринославе вспыхнула всеобщая забастовка. Возглавил ее «Макар» — руководитель Екатеринославского комитета РСДРП. Вскоре полиции стало известно, что под этим именем скрывается адвокат Николай Васильевич Литвинов, незадолго до того прибывший в город после заграничного путешествия. Не вызвав никаких сомнений у жандармов на границе, преуспевающий адвокат беспрепятственно проследовал в Москву, а затем в Екатеринослав, избранный им постоянным местом жительства.

О том, что Литвинов — это разыскиваемый для препровождения в сибирскую ссылку Ногин, никто в департаменте полиции даже не подозревал.

Власти подавили забастовку. Но если два месяца назад, когда «Макар» только прибыл

в город, там насчитывалось всего 35 сторонников «Искры», то теперь их было в десять раз больше.

Вскоре Ногин обнаружил за собой «хвост». Это значило, что пора уходить, — законы конспирации в этом отношении неумолимы. «Литвинов» уехал из Екатеринослава. Партия перебрала его в Москву.

Но в Москву он прибыл уже новгородским мещанином Николаем Петровичем Соколовым. Ногин-Соколов стал руководителем Московского комитета РСДРП. В условиях нелегальной работы комитетами обычно руководили революционеры-профессионалы. Для этого комитетам было предоставлено право кооптировать, иначе говоря — вводить в свой состав, любого нужного или присланного им товарища.

«Достаточно нам было зашевелиться, — пишет Ногин в «Воспоминаниях о Московской организации», — как очень скоро мы стали получать со всех концов Москвы извещения о необходимости принять в лоно Московского комитета ту или иную группу организованных рабочих. Но встреча на одном из собраний с А. С. Серебряковой, оказавшейся провокатором, привела к усиленной слежке за мной; она велась достаточно грубо, я ее заметил и уехал из Москвы, передав работу товарищу Бауману, который к тому моменту вернулся из-за границы».

Ногин уехал на юг и стал членом Николаевского комитета РСДРП, охватывавшего своим влиянием обширную территорию от Кривого Рога до Севастополя. Вот когда ему

пригодились знания, полученные в Петропавловке! Он смело вступал в битву с меньшевиками; не только рабочие, но и интеллигенция с интересом слушали его выступления.

Однако популярность для подпольщика вещь опасная. Полиция напала на след «Соколова» и 8 марта 1904 года арестовала его.

В специальной резолюции, принятой II съездом РСДРП, говорилось, что всякие показания, даваемые революционерами на следствии, независимо от воли революционеров служат в руках следователей главным материалом для обвинения и привлечения к следствию новых лиц. Поэтому съезд рекомендовал всем членам партии отказываться от каких бы то ни было показаний.

Ногин рассказал о резолюции арестованным вместе с ним товарищам. Совместно они выработали единую формулу ответа следователям. Все арестованные единодушно заявляли на допросах: «Я член РСДРП. От дачи показаний отказываюсь до назначения над собой суда гласного с участием свободно избранных рабочими заседателей. На таком суде надеюсь доказать не только необоснованность предъявляемых мне обвинений, но и виновность моих обвинителей».

Об этом стало известно в стране, просочились сведения и за границу. Чтобы разбить единство революционеров, полиция решила разбросать арестованных по тюрьмам других городов. К тому времени ей удалось установить, что «Соколов» на самом деле — «видный член российской социал-демократической организации «Искры» Виктор Павлович

Ногин, бежавший из сибирской ссылки». Улик для возбуждения против него нового дела у полиции не хватало. Однако для отбывания ссылки на этот раз Ногина отправили в глухое селение на Кольском полуострове.

Через неделю после прибытия туда Ногин снова бежал. В конце августа 1905 года он прибыл в Женеву к Владимиру Ильичу Ленину. А еще через два месяца возвратился в Петербург.

Приобретавшая все больший размах первая русская революция требовала руководства. Ленин покинул Швейцарию и приехал в Петербург, чтобы собрать все имевшиеся в наличии партийные силы. Ногин стал членом Петербургского комитета РСДРП. Ему поручили руководство Военной организацией партии.

Ногин добывал оружие для боевых дружин рабочих, организовывал обучение их стрельбе и тактике уличных боев. Одновременно он устанавливал связи с членами партии, призванными в армию, помогал создавать там социал-демократические организации. Ногин помог наладить издание газеты для солдат и матросов. Эта газета, получившая название «Казарма», по существу была центральным военным органом большевиков. В декабре ему поручили транспортировку оружия восставшей Москве.

Первая русская революция потерпела поражение. Реакция перешла в наступление. Партия направила Ногина в Баку.

Там его статьи печатались в выходившей на нескольких языках газете «Призыв». Вме-

сте с А. Джапаридзе он выпустил первый номер газеты «Бакинский рабочий», основал профессиональный союз нефтепромысловых рабочих.

Бакинская полиция начала проявлять интерес к Ногину. Он получил указание от ЦК партии перебраться в Москву, где стал членом Московского комитета РСДРП.

Виктор Павлович настойчиво добивался подчинения профсоюзов идейному влиянию большевиков. И одержал определенную победу. С его помощью появился в Москве журнал «Жизнь приказчика». Все больше большевиков входило в правление отдельных профсоюзов, а сам Ногин был избран председателем Центрального бюро профессиональных союзов.

Пятый Лондонский съезд полностью одобрил проводимую Ногиним в профсоюзах линию. Делегаты съезда избрали его членом Центрального Комитета РСДРП.

...Ногина арестовали, отправили в ссылку. Он бежал. Его снова арестовали, он снова бежал. Опять арест... Как-то, уже после революции, Ногин подсчитал, что ему пришлось побывать более чем в 50 тюрьмах. По личному опыту знал он все крупнейшие тюрьмы царской России.

Профессиональный революционер, он принадлежал к тем людям, о которых немного говорили, «но подразумевалось само собой, что они телом и душой преданы партии, составляют ее органическую, неотъемлемую часть, для нее живут, ею дышат, ко всякому вопросу относятся с величайшей добросовест-

ностью, никогда не покривят душой и не покладая рук будут грести и грести, налегая грудью на весла, пока хватит сил». Слова эти принадлежат Надежде Константиновне Крупской. А сказаны они были о Викторе Павловиче Ногине.

В 1911 году, после очередного ареста, Ногина сослали в Верхоянск. О побеге из «Окаянска», как называл его Виктор Павлович в письмах матери и жене, даже мечтать не приходилось.

«Еще темно было, когда я услышал на дворе якутской своей квартиры звон почтового колокольчика, скрип полозьев по снегу и говор — наполовину якутский, наполовину русский. Я вышел во двор. Около верхоянской нарты стояла высокая, осыпанная снегом фигура. При свете луны и ярких звезд я узнал товарища Макара», — так Емельян Ярославский описывает встречу с возвратившимся из ссылки Ногиним. Три долгих года провел Виктор Павлович за Полярным кругом. Три вместо четырех. В дни празднования 300-летия дома Романовых срок ссылки ему был уменьшен на год. И вот теперь, весной 1914 года, к нему пришла свобода.

Суровая ссылка не сломила Ногина. Он по-прежнему энергичен и бодр. Уже через несколько дней после приезда в Якутск вместе с Ярославским он создал Якутский комитет РСДРП. А когда вскрылась река Лена, с первым же пароходом двинулся дальше. Иркутск, Москва, затем Саратов, где ждала его семья. Виктору Павловичу еще только тридцать шесть, но в густой каштановой шевелюре

В. П. Ногин.

заметно поблескивают серебряные нити. Годы нелегальной жизни, и особенно последняя ссылка, сильно подорвали его здоровье.

В Саратове он получил возможность немного отдохнуть, пожить спокойно, под своим именем.

Но вскоре Ногин — в Москве.

...1917 год. Февральская революция. Ногин без усталости выступает на митингах, собраниях, разыскивает по тюрьмам товарищей, формирует отряды рабочей милиции. 1 марта он предложил создать в Москве Совет рабочих депутатов. Виктор Павлович был избран заместителем председателя Совета. Участники VII Всероссийской (Апрельской) конференции избрали Ногина членом Центрального Комитета. Виктор Павлович снова ездит по стране, выступает с речами перед солдатами на фронтах, участвует в работе I Всероссийского съезда Советов. В сентябре он стал первым большевистским председателем Моссовета.

В дни вооруженного восстания Ногин находился в Петрограде. Утром 25 октября он направил телеграмму в Московский Совет: «Сегодня ночью Военно-революционный комитет занял вокзалы, Государственный банк, телеграф, почту. Теперь занимает Зимний дворец. Правительство будет низложено... все войска на стороне Военно-революционного комитета».

Вечером 25 октября ЦК направил Ногина в Москву. Сразу же по его приезде там был создан Военно-революционный комитет, в районах поднялась Красная гвардия.

Второй Всероссийский съезд Советов утвер-

дил представленный В. И. Лениным список Совета Народных Комиссаров — временного рабочего и крестьянского правительства, которое должно было управлять страной до созыва Учредительного собрания. Народным комиссаром по делам торговли и промышленности назначался Виктор Павлович Ногин. 2 ноября он выступил на заседании Совета Народных Комиссаров с докладом о положении в Москве, а 4 ноября подписал заявление о выходе из Совнаркома и из ЦК партии. Ногин и другие, по словам В. И. Ленина, опасались тогда, что «большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части меньшевиков и „социалистов-революционеров”»¹.

Это была ошибка Ногина. Тем более горькая, что он, профессионал-революционер, жил только для партии, жил делами партии и ни о какой другой деятельности для себя немышлял. Он не сумел разобраться в сложной, быстро менявшейся обстановке тех дней.

Товарищи по Московской партийной организации сурово критиковали Ногина за его выход из первого Советского правительства, за его неверие в силы рабочего класса. Они помогли ему понять ошибку, найти в себе силы исправить ее, снова вернуться в ряды революционеров-ленинцев.

Позже, вспоминая этот эпизод, Владимир Ильич Ленин писал: «...ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о ко-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 417.

торой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены... товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны Цека нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель — самое большее через несколько месяцев — все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты»¹.

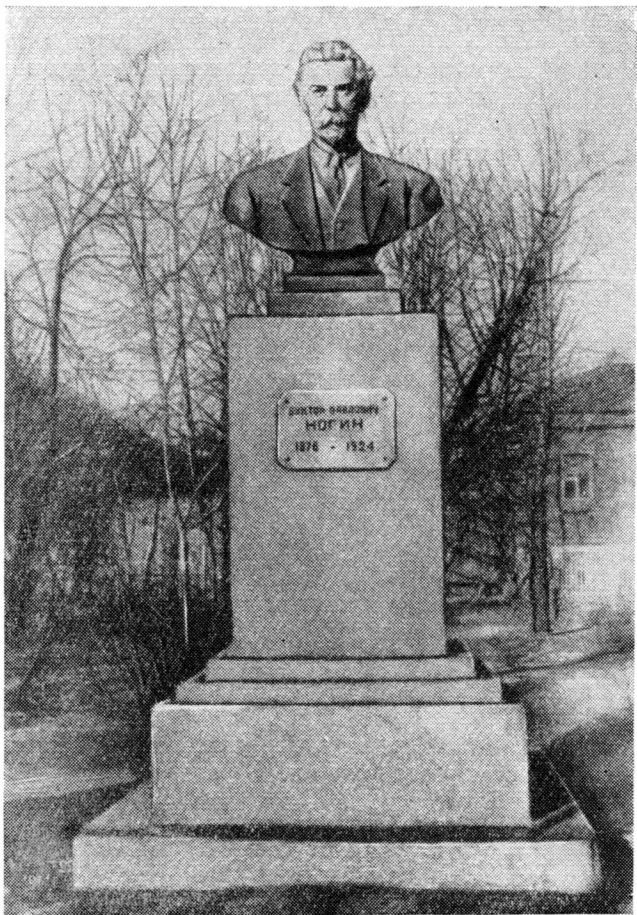
Одним из первых среди вернувшихся был Ногин. Его назначили областным комиссаром в Москве, затем — заместителем наркома труда. Весной 1918 года ЦК РКП(б) послал его своим уполномоченным по заготовке хлеба в районы Северного Урала. Затем ему поручают восстановление текстильной промышленности: бывшему рабочему-красильщику это дело хорошо знакомо.

Девятый съезд РКП(б) избрал Ногина кандидатом в члены Центрального Комитета, а с X съезда и до конца дней своих он избирался председателем Ревизионной комиссии.

Подорванное тюрьмами и ссылками здоровье Виктора Павловича становится все хуже. Он вынужден был лечь в больницу. Врачи считают нужной операцию. Она проходит успешно. Но затем начинается перитонит. Через несколько дней газеты напечатали со-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 417.

Памятник Ногину в Богородске (Ногинск).

общение ЦК РКП(б), в котором говорилось, что в ночь на 22 мая 1925 года «скончался один из старейших и заслуженных членов РКП, один из преданнейших и вернейших товарищей Виктор Павлович Ногин».

Так оборвалась эта жизнь. Жизнь пламенного революционера, чей путь, начавшись в мрачных казематах Петропавловской крепости, окончился у Кремлевской стены, в славном Пантеоне социалистической революции, где народ хоронит лучших из лучших своих сынов.

Более сорока лет прошло с тех пор. Но Виктор Павлович Ногин не забыт. Его именем назван город Богородск, в котором началась трудовая деятельность будущего революционера. В Ленинграде бывшая Александрово-Невская мануфактура, где Виктор Павлович создавал рабочие кружки, где он руководил стачкой, называется теперь прядильно-ткацкой фабрикой имени Ногина. Имя революционера носят площади и улицы в Москве, Горьком и других городах Советского Союза.

«...Каждый молодой член партии, комсомолец, каждый пионер должен изучить эту биографию, внутренне понять те великие силы, которые вкладывали в скромных выходцев из рабочего класса стальную способность бороться за его идеи», — говорил М. И. Калинин, имея в виду биографию Ногина, одного из великой когорты, выпестованной Владимиром Ильичем Лениным.

ЛИТЕРАТУРА

- В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, тт. 20, 31, 35, 37, 41, 46, 48.
- «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Политиздат, чч. I, II.
- «История Москвы», т. VI. М., 1957.
- В. Архангельский. Ногин. М., изд-во «Молодая гвардия», 1964.
- В. А. Радус-Зенькович. Страницы героического прошлого. М., 1960.
- С. Н. Мотовилова. Минувшее. «Новый мир», 1963, № 12.

Игорь Александрович Подгорный
„В. П. Ногин“

Редактор С. М. Серпокрыл
Технический редактор А. И. Сергеева
Корректор И. В. Левтонова

Сдано в набор 18/III 1966 г. Подписано к печати 18/IV 1966 г.
Формат бумаги 70×90¹/₃₂. Физ. печ. л. 125,. Усл. печ. л. 1,46.
Уч.-изд. л. 1,36. Тираж 75 000 экз. М-11661. Заказ № 465
Работа объявлена в Т. п. 1966 г., № 110

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография имени Володарского Лениздата, Фонтанка, 57
Цена 4 коп.

4 коп.

1966
Лениздат